

Ежи Вятр¹**КУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН**

Немногие книги оказали такое сильное влияние на теорию политики в целом и на теорию демократии в частности, как книга «Гражданская культура», опубликованная в 1963 году, в которой приводится сравнительный анализ политических культур в пяти демократиях (Федеративная Республика Германия, Италия, Мексика, Великобритания и Соединенные Штаты Америки) [1]. Концептуальная основа исследования отошла в основном от институционального подхода, а сама работа сосредоточилась на роли политических культур — исторически возникших системах ценностей и моделей поведения, которые влияют на методы, применяемые в национальной политике.

Особенно важное значение имеет интерпретация демократической политической культуры, гражданской культуры (по терминологии Алмонда). «Модель гражданской культуры, — утверждал Алмонд несколько лет спустя, — порождает “модель рационального действия” демократического гражданина, модель, требующую, чтобы все граждане были вовлечены в политику и чтобы их участие было аналитическим, рациональным и основанным на имеющейся информации». В книге «Гражданская культура» утверждалось, что модель рационального действия демократического гражданина является одним из компонентов гражданской культуры, но не единственным. Действительно, сама по себе модель участника рационального действия не может логически поддерживать стабильное демократическое правительство. Жизнеспособная и стабильная демократия возможна только в определенном сочетании противоположностей, таких как пассивность, доверие и уважение к власти и информированность [2].

Этот подход имеет важное значение для оценки условий демократической стабильности в старых демократических государствах. Высказывается мнение, что он помог и в определении политических различий между тогдашними социалистическими государствами и повлиял на то, как там изучали политику [3]. Одним из наиболее важных последствий такого подхода стало осознание того, что существовавшие коммунистические государства, схожие по своим институциональным структурам, существенно различались в своих политических культурах. Несколько исследований коммунистических политических систем, опубликованных на Западе во времена холодной войны, в значительной степени опирались на политическую модель культуры для объяснения того, каким образом эти системы управляются [4].

Распад европейских коммунистических систем поставил перед политологами новые теоретические проб-

лемы. Первоначально наше внимание было сосредоточено на процессе отказа от диктаторских режимов, но вскоре анализ переключился на результаты политических перемен. Где и при каких условиях демократические системы сменили диктаторские? Что делает молодую демократию стабильной? На эти вопросы давались различные ответы.

Двадцать пять лет посткоммунистических трансформаций — достаточно длительный срок, чтобы можно было сформулировать теоретическое объяснение этих процессов. Изначально многие ученые были склонны делать акцент на социально-экономических факторах. Адам Пжеворский, американский политолог польского происхождения, в нескольких работах, опубликованных в конце 1980-х — начале 1990-х годов, подчеркивал важность уровня экономического роста как основного фактора, определяющего результаты демократизации. По его мнению, в тех странах, где ВВП на душу населения достигает уровня 6 тыс. долларов США, демократия может существовать благополучно (в стране, достигшей этого уровня экономического роста, отсутствуют перевороты с целью свергнуть демократическое правительство) [5].

Хотя это утверждение имеет определенную ценность, оно не объясняет огромные различия между странами одного уровня экономического благосостояния. Посткоммунистические страны с меньшим уровнем экономического развития (в частности, Средняя Азия и Кавказ, а также некоторые Балканские страны) дают очень интересное поле для сравнения. Несмотря на то что в большинстве развитых посткоммунистических стран переход к демократии осуществлялся мирным путем, обратное утверждение не всегда является верным. Некоторые экономически неразвитые страны действовали очень разумно, во многих случаях даже лучше, чем относительно богатые. Интересными примерами являются Молдавия и Черногория.

Хотя экономические условия и являются важными, они не в полной мере объясняют различия между государствами с переходной экономикой. Американский политолог Фред У. Риггс предложил институциональное объяснение. В своих двух сравнительных работах он утверждал, что молодая демократия будет иметь больший успех, если будет принята парламентская, а не президентская конституционная система [6]. Это утверждение я поддерживаю ссылкой на начальный опыт демократизации в Польше [7].

Сэмюэль П. Хантингтон в своей работе «Третья волна демократии» предлагает альтернативный подход социально-экономическим и институциональным подходам [8]. Он подчеркивает взаимосвязь между культурным происхождением и перспективой демократии в бывших странах коммунистической диктатуры. Согласно его концепции, западное христианство дало больше возможностей для демократической консолидации, чем восточное христианство (православие),

¹ Министр образования Польши (1996–1997), депутат Сейма Республики Польша (1991–2001), доктор социологии. Автор научных работ по социологии политики, в т. ч. монографии «Социология политических отношений». Почетный ректор Европейской школы права и администрирования в Варшаве, почетный профессор Варшавского университета, почетный сенатор Университета Люблина, почетный доктор Днепропетровского национального университета им. Олеся Гончара. Удостоен ордена Возрождения Польши II степени.

в то время как ислам предоставляет наименее благоприятные культурные условия для демократии.

История дает примеры, частично подтверждающие правоту Хантингтона. Действительно, демократические преобразования проходили довольно спокойно, и в результате в посткоммунистических странах центральной Европы, принадлежащих по классификации Хантингтона к «западной цивилизации» (Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия и Словения), были установлены демократические режимы. Единственным исключением была Хорватия, где авторитарный режим действовал до 2000 года, и эта страна выполнила условия членства в Европейском Союзе только в 2012 году. Верно и то, что ни одна посткоммунистическая страна, где доминирующей религией являлся ислам, не стала демократической.

В случае со странами восточно-христианской цивилизации ситуация намного сложнее. Некоторые посткоммунистические страны, отнесенные Хантингтоном к этой категории (Болгария, Румыния), в настоящий момент хотя и являются членами Европейского Союза, но не являются полностью демократическими, уровень демократии в этих странах считается достаточным для членства в ЕС. Сербия определена как «полностью свободная» организацией «Дом свободы» («Freedom House»).

Для сравнительного анализа наибольший интерес представляют Россия, Украина и Белоруссия. Все они принадлежат к «восточно-христианской цивилизации», по терминологии Хантингтона, и имеют одинаковые проблемы при переходе от коммунизма к демократии. Наиболее распространенным отрицательным элементом является глубина конфликта между правительством и оппозицией, о чем свидетельствует украинский кризис. Ни одна из этих стран не была определена «полностью свободной» организацией «Дом свободы», но режимы в этих странах не являются диктатурой (за исключением Белоруссии). Наиболее адекватное определение этих режимов дает концепция «делегативной демократии», предложенная в 1991 году аргентинским политологом, экс-президентом Международной ассоциации политических наук Гильермо О'Доннеллом [9]. При таких режимах существует оппозиция и конкурентные выборы, правящие власти избираются на основе свободного и честного выбора, но права и свободы граждан защищены неполностью.

Является ли это следствием влияния православной церкви, как полагал Хантингтон? Примеры Болгарии, Македонии, Молдавии, Черногории, Румынии и Сербии показывают, что здесь не все однозначно.

В моем варианте культурной интерпретации событий, изложенном в моей книге о посткоммунистической Европе [10], рассматриваются четыре исторических фактора, объясняющие, чем политические культуры в Центральной и Восточной Европе отличаются от России и других бывших советских республик (за исключением тех, которые вошли в состав СССР во время Второй мировой войны и которые во многом схожи с государствами Центральной и Восточной Европы) [11].

Первый фактор — это срок существования коммунистической системы. В бывшей Российской империи коммунистическая система была создана на одно полное поколение раньше, чем в иных коммунистических государствах. К тому времени, как коммунистические системы завершали свое существование, докоммунистическое прошлое не было частью жизненного опыта даже старших поколений советских граждан, но в памяти старшего поколения поляков, венгров и чехов оно было все еще очень живо.

Второй фактор относится к докоммунистическому прошлому. Большинство восточноевропейских государств отличались от бывших советских республик своим докоммунистическим прошлым, все они имели какой-то опыт демократии до установления коммунистического режима. Воспоминания о прошлом могут объяснить, почему политические культуры государств Центральной и Восточной Европы, хотя и менее демократичны, чем в странах Западной Европы, тем не менее более демократичны, чем политические культуры России и других стран, входивших в состав Российской империи.

Третье отличие касается модели установленного коммунистического правления. В России коммунисты самостоятельно пришли к власти, используя недовольство войной и умело организовывая новое государство таким образом, что они смогли победить своих некогда мощных противников. В Центрально-Восточной Европе, за исключением Югославии, коммунистические режимы были установлены подавляющей мощью победоносного Советского Союза с пассивным принятием этого факта западными державами, хотя местное население стран было против. Навязанные извне и очень слабо поддерживаемые изнутри вновь созданные коммунистические режимы Центральной и Восточной Европы (в частности, в Чехословакии, Венгрии и Польше) были вынуждены пойти на многочисленные уступки.

Четвертый фактор — относительно краткая продолжительность полностью тоталитарного, сталинского режима коммунистической системы в Центральной и Восточной Европе (1948–1956) по сравнению с длительностью такого тоталитарного этапа коммунистического режима в СССР (1929–1956).

История оставила свой след на политических культурах бывших коммунистических государств. Русский политолог Федор Бурлацкий, высказывая мнение в поддержку «президентской республики», указывал на старую русскую традицию доверия сильному лидеру, а не институту власти [12]. Теперь общеизвестно, что перспективы демократии и ее формы в очень большой степени зависят от политической культуры, возникшей исторически, как старой, так и новой. Подход с точки зрения политической культуры заставил нас почувствовать роль истории в современной политике. Наши ценности и образ действия были сформированы на основе нашего исторического опыта.

Однако историческое наследие не препятствует переменам, а порождает их. Подход с точки зрения политической культуры не должен рассматриваться как вариант гегелевского детерминизма. В политике нет ничего неизбежного, даже если некоторые последствия

наступают чаще, чем другие. Много зависит от качества политической власти, от желания двигаться в правильном направлении. События, происходящие в бывших коммунистических государствах, дают нам достаточно доказательств важности лидерства. Лидеры, однако, не работают в культурном вакууме. Они сами являются продуктами национальных политических культур и должны работать в политической обстановке, созданной культурой. Но необходимо понять, что национальная модель демократии зависит от исторических и культурных традиций народа. Было бы нелепо предполагать, что все народы мира захотят принять западную модель демократии. Такие идеи, часто представленные под видом «общечеловеческих демократических ценностей», могут привести только к непониманию природы демократических процессов, которые происходят в странах с явно различными культурными традициями.

Примечания

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия пяти наций. — Принстон : Принстон юниверсити пресс, 1963.
2. Алмонд Г. Интеллектуальная история концепции общественной культуры // Еще раз к вопросу о гражданской культуре / ред. Г. Алмонд, С. Верба. — Ньюбери Парк ; Л. ; Нью-Дели : Сейдж Паблликейшнз, 1980. — С. 16.
3. Вятр Е. Дж. Гражданская культура с марксистской социологической точки зрения // Еще раз к вопросу о гражданской культуре. — С. 103–123.
4. Обзор таких исследований был представлен британским политологом А. Х. Браун (Советская политика и политология. — Л. : Макмиллан, 1974. — С. 89–104).
5. Пжеворски А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. — Кембридж : Кембридж юниверсити пресс, 1991 ; Устойчивая демократия / А. Пжеворски [и др.]. — Кембридж : Кембридж юниверсити пресс, 1995.
6. Риггс Ф. У. Выживание президентской Америки: пара-конституционная практика // Международное политологическое обозрение. — 1988. — Т. 9, № 4. — С. 247–278 ; *Он же*. Президентская форма правления в сравнении с парламентаризмом: последствия репрезентативности и легитимности // Международное политологическое обозрение. — 1997. — Т. 18, № 3. — С. 253–278.
7. Вятр Е. Дж. Исполнительные и законодательные отношения во время кризиса: опыт Польши 1989–1993 // Лийпхард А., Вайсман К. Институциональная структура новых демократий: Восточная Европа и Латинская Америка. — Болдер : Уэствью, 1996. — С. 103–115.
8. Хантингтон С. П. Третья волна. Демократизация в конце XX века. — Л. : Изд-во Ун-та Оклахомы, 1991.
9. О'Доннелл Г. Делегативная демократия // Преобразования систем юго-востока: рабочий документ 21. — Чикаго, 1991.
10. Вятр Е. Дж. Europa pokomunistyczna: przemiany państw i społeczeństw po 1989 roku. — Warszawa : Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2006
11. Вятр Е. Дж. Демократизации в Центральной Европе: сравнительные перспективы // Демократизации: сравнение, столкновения и контрасты / ред. Х. В. Сипрут. — Кембридж : Массачусетс ; Л. : МИТ-Пресс, 2008. — С. 146–147.
12. Бурлацкий Ф. М. О политической науке. — М. : Изд-во МГУ, 2013. — С. 304.